Не любо

Не любо — не слушай, а лгать не мешай

У старика было три сынка: один хромой — больно наперегонки гонялся, а третий, хоть был косолапый, зато только и знал, что ворон считал.

Вот раз пошли стариковы сыновья в лес дрова рубить. Пока хромой работать собирался, пока безногий чесался, а косолапый всех, ворон пересчитал, глядь — и вечер настал. Пора ужин варить, а огня нету… Как быть, как горю пособить? Хромой был умен, безногий — хитер, а косолапый — догадлив: срубили три брата большую сосну в два обхвата, раскололи на поленья, сложили их в высокую кучу, и полез косолапый на самый верх высматривать, где бы огонька добыть да костер подналить.

Глядел-смотрел — и впрямь увидел, что в одной стороне середь леса огонек светится. Пошел за огнем старший брат, хромой. У костра сидит старик. «Здорово, дедушка, дай огоньку». — «Попляши, тогда дам». — «Да я не умею». — «Ну, песню спой». — «Не учился». — «Ну, сказку скажи». — «Я не горазд». «Коли так, — говорит старик, — убирайся, откуда пришел, нет тебе огня!» Воротился хромой ни с чем. «Эх ты, фефела! — говорит ему безногий. — Приходится мне идти». Пошел безногий — и тоже с пустыми руками вернулся.

Дошла очередь до младшего брата, косолапого. Пришел и он к старику. «Здорово, дедушка!» — «Здорово, соседушка». — «Дай, дедушка, огоньку». — «А ты попляши, меня, старика, повесели». — «Не умею я; куда мне колченогому!» — «Ну, песню веселую спой». — «Больно, я петь-то не горазд». — «Коли так, хоть сказку скажи». — «Вот это мое дело. Только один уговор: я буду сказывать, а ты не перебивай. Если перебьешь или скажешь, что неправду говорю, — с тебя сто рублей». «Ладно!» — говорит старик, а сам сел рядом с косолапым, лысиной к огоньку — такая-то большая да светлая лысина! Вот и начал косолапый сказывать:

«Жил я с младшим моим дедушкой, когда еще он не женат был и батька мой не родился, потому самому, что как начался свет, мне было семь лет. Вот тогда-то жили мы куда богато: от наготы да босоты ломились шесты. Изба у нас была большая: на земле порог, да тут же и потолок — хоть сидеть в избе нельзя, зато поглядеть хороша. Птицы у нас было — одна курица, медной посуды — крест да пуговица, скота — таракан да жужелица, а в упряжь — две кошки лысы да еще один кот-иноход. А земли сколько было — и глазом не

окинешь: пол да лавки сами засевали, а печь да полати внаймы сдавали. Посеяли мы на полу-то ячмень, а на лавки семян не хватило. И вырос наш ячмень высок да густ; завелась в нем крыса; как стала ее ловить наша кошка лыса — так заблудилась, что и теперь еще бродит… Собрали мы тот ячмень, а сложить некуда. Я, хоть меньшой, да разумом большой — догадался сложить скирду на печном столбе… А бабушка моя была куда резва — на печь три. года лезла, лезла-лезла, наклонилась, надвое переломилась да и скирду нашу в лохань уронила. Дед завыл, я заголосил… Бабушку мы лычком сшили — она так еще десять лет ходила, а ячмень из лохани вытащили, пересушили, обмолотили и пива наварили. Сварили мы два пива: одно жидко, а другое — что вода. Выпьешь любого бурак — станешь совсем дурак; а как гостю стакан поднесешь, да за волосы потрясешь, да по затылку поленом оплетешь — так и с ног долой… Да ты слушаешь, дед?» — а сам деда рукавицей по лысине хлоп! «Слушаю, свет!»

«Ну, хорошо. Было у нас всего много: денег девяноста безо ста — мы и счесть не умели спроста. Да и то сказать: сложить такие деньги не во что, а мешка купить не на что… Да была еще у нас лошадь сива, и случись со мной вот какое диво: раз поехал я на ней в лес дрова рубить, и топор у меня сзади за поясом. Еду я рысцой: трюх-трюх, а топор-то по лошади: тюк-тюк! Тюкал-тюкал, да и отсек лошади весь зад… Слушаешь, дед?» — а сам деда рукавицей по лысине щелк! «Слушаю, свет».

«На передке я три года ездил. Раз еду лесом, глядь — а задок моей лошади на полянке пасется. Я его поймал, обротал да потом и пришил к передку березовым прутом. Стала березка кверху расти так, что невмочь уж лошади ее на себе нести, — высоко-высоко выросла. Я надумал по березе кверху лезть. Лезу-лезу, а она все растет да растет, пока в облако не уперлась. Уцепился я за облако и на него вылез. Походил-посмотрел: нету ничего… Слушаешь, дед?» — а сам деда по лысине рукавицей щелк! «Слушаю, свет!»

«Ну, надумал я назад на землю спускаться. Глядь, а лошадь-то мою дедушка поить угнал: не по чем лезть. Стал я на облаке проживать, голодом голодать: совсем отощал. И с той худобы завелись у меня блохи немалые. В ту пору я догадлив был: стал блох ловить, с них шкурки драть да веревку вить; свил веревку длинную, привязал концом к облаку и давай спускаться. На беду не хватило веревочки: до земли далеко, до облака высоко — как быть? А я выдумал: сверху-то отрежу да на низ наставлю, отрежу да наставлю, отрежу да наставлю…

Да ты слушаешь, дед?» — а сам деда по лысине рукавицей хлоп! «Слушаю, свет; и все твои речи — правда истинная!»

«Резал я, резал; до того дошло, что и наставлять больше нечего. Я сижу, не тужу, по сторонам гляжу: мужик овес веет, полова вверх летит. Я скорей полову ловить да веревку вить; вил-вил-вил, мертвую крысу завил. Ни с того, ни с сего крыса ожила да веревку-то и перегрызла. Как полечу я вниз… Летел-летел, летел-летел, летел-летел… Слушаешь, дед?» — «Слушаю, свет». — «А, чтоб тебя!.. Ладно. Сколько я летел, что и за сто рублей не скажешь, и свалился в болото, в трясину по самый рот ушел; хотел было воды напиться, да шею наклонить нельзя. Прибежала лиса, на моей голове гнездо свила, семерых лисят принесла. Шел мимо волк, лисят уволок, а я успел его за хвост схватить. Как уцеплюсь да закричу: тю-тю-тю! Волк меня из болота и вытащил».

Совсем беда приходит косолапому: скоро уж и сказывать нечего, а дед все не спорит, все не перебивает. Надо, что ни на есть, дальше рассказывать, чтоб своего добиться.

«Из болота я вылез голодный-преголодный. Глядь, а в дупле жареные перепелята сидят. Хотел было я в дупло руку просунуть — не лезет. Делать нечего — сам влез, наелся и растолстел, назад-то уж и не вылезу. Тут я догадлив был: домой за топором сбегал, прорубил дупло пошире и выкарабкался… Пошел я, неведомо куда, и пришел за море в такую сторону, где скот ни почем; за муху с мушонком дают корову с теленком, а за крупных оводов — больших быков. Наловил я тут мух три куля, наменял коров да быков три табуна, пригнал к синему морю — и давай горевать, как стадо домой гнать. Коли корабли нанимать — дорого возьмут, коли вплавь пустить — половина стада перетонет… Как тут быть, дед?» — «Сказывай, сказывай, свет!»

«Вот, я изловчился: ухватил одну корову за хвост, махал-махал, да как пущу — так на другой берег и ткнулась, только на лету раза два перевернулась. Перемахал я все три табуна, остался один бык бурый… Схватил я его за хвост, обвил хвост кругом руки крепко-накрепко, собрался с силою, развернулся, да как махну — так вместе с быком и перелетел через море… Только какая тут со мной беда стряслась! Как я быка кидал, так, должно быть, ненароком в сторону взял — да и попал в самую преисподнюю… Что тут делать, чем кормиться? Вот и нанялся я у чертей навоз возить. Три года навоз возил — и все на твоем дедушке».

«Ну, уж это ты врешь, свет, — говорит старик. — Не может того быть, чтоб на моем дедушке черти навоз возили!» «Может, не может, а сто рублей подавай!»

Забрал косолапый у старика деньги, взял огня и вернулся к братьям. Сейчас они костер запалили, ужин сварили и так с голоду наелись, что, как заснули потом — так и посейчас, должно быть, спят.